MASTER
NEGATIVE
NO. 91-80016-25

MICROFILMED 1992

COLUMBIA UNIVERSITY LIBRARIES/NEW YORK

as part of the
"Foundations of Western Civilization Preservation Project"

Funded by the
NATIONAL ENDOWMENT FOR THE HUMANITIES

Reproductions may not be made without permission from
Columbia University Library

COPYRIGHT STATEMENT

The copyright law of the United States -- Title 17, United States Code -- concerns the making of photocopies or other reproductions of copyrighted material...

Columbia University Library reserves the right to refuse to accept a copy order if, in its judgement, fulfillment of the order would involve violation of the copyright law.

AUTHOR:

ROZHDESTVENSKII, S.V.

TITLE:

KOMISSIIA OB UCHREZHDENII

PLACE:

S.L.

DATE:

Master Negative #

91-80016-25

COLUMBIA UNIVERSITY LIBRARIES
PRESERVATION DEPARTMENT

BIBLIOGRAPHIC MICROFORM TARGET

Original Material as Filmed - Existing Bibliographic Record

947.06
Z
v.1

Rozhdestvenskiĭ, Sergiĭ Vasil'evich, 1868-
Komissiia ob uchrezhdenii narodnykh uchilishch.
[Commission for the establishment of public schools]
23 p. 27½ cm.

Caption title.
Excerpt.
Znachenie Komissii ob uchezhdenii narodnykh uchilishch v istorii politiki narodnago prosvieshchenii̯a v XVIII-XIX viekakh. (Caption title)
Signed: S.V.Rozhdestvenskiĭ.

Restrictions on Use:

TECHNICAL MICROFORM DATA

FILM SIZE: 35mm REDUCTION RATIO: 11X
IMAGE PLACEMENT: IA (IIA) IB IIB
DATE FILMED: 4/26/91 INITIALS F.C.
FILMED BY: RESEARCH PUBLICATIONS, INC WOODBRIDGE, CT

AIIM

Association for Information and Image Management

1100 Wayne Avenue, Suite 1100
Silver Spring, Maryland 20910

301/587-8202

Centimeter

Inches

MANUFACTURED TO AIIM STANDARDS
BY APPLIED IMAGE, INC.

по:7

С. Рождественский

КОМИССІЯ

объ учрежденіи народныхъ училищъ.

PRINTED IN RUSSIA

ЗНАЧЕНІЕ КОМИССІИ ОБЪ УЧРЕЖДЕНІИ НАРОДНЫХЪ УЧИЛИЩЪ ВЪ ИСТОРІИ ПОЛИТИКИ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ВЪ XVIII—XIX ВѢКАХЪ.

Тѣ два десятилѣтія, въ теченіе которыхъ работала Комиссія объ учрежденіи народныхъ училищъ, составили яркую и значительную по своимъ результатамъ эпоху въ исторіи политики народнаго просвѣщенія въ Россіи.

Самое появленіе Комиссіи среди высшихъ государственныхъ учрежденій конца XVIII вѣка знаменовало собою чрезвычайно важный, давно подготовлявшійся моментъ, когда государственная власть впервые приняла за основу всѣхъ своихъ просвѣтительныхъ предпріятій объединеніе ихъ въ одну стройную систему общаго образованія и связь этой системы съ общеобразовательными элементами различныхъ отраслей спеціальнаго образованія.

Въ 1780-хъ годахъ, когда Императрица Екатерина остановилась на мысли о Комиссіи для насажденія въ Россіи сѣти народныхъ училищъ по австрійскимъ образцамъ, ея уже утомленный умъ не склоненъ былъ увлекаться былыми утопіями, въ родѣ созданія „новой породы отцовъ и матерей, и смотрѣлъ на вещи болѣе трезво и практически. И въ личномъ участіи Императрицы въ созданіи Комиссіи и въ руководительствѣ ея работой уже не проявлялось прежней горячности, той „legislomanie“, съ какою Екатерина относилась бывало къ новымъ создаваемымъ ею учрежденіямъ. Образовавъ Комиссію, давъ ей опредѣленное заданіе, Екатерина предоставила ей въ дальнѣйшемъ полную свободу работы. Не стѣсняя этой работы вторженіемъ своей личной иниціативы, она заняла по отношенію къ Комиссіи обычное положеніе верховной власти, утверждавшей подносимые ей общіе проекты и разрѣшавшей, по докла-

дамъ Комиссіи, различные частные вопросы текущей жизни. Лишь въ одномъ отношеніи Екатерина обнаружила особый личный интересъ къ работѣ Комиссіи, именно къ первымъ учебникамъ, составленнымъ по „нормальной методѣ“ для новозаводимыхъ училищъ. Всѣ эти учебники представлялись на аппробацію Императрицы, и одна и та же формула Высочайшаго утвержденія „Быть по сему„ одинаково красуется какъ на „Россійскомъ букварѣ“ или „Правилахъ для учащихся“, такъ и на „Катехизисѣ Православнаго Закона Христіанскаго“. Надпись же объ одобреніи Катехизиса Св. Синодомъ нашла себѣ скромное мѣсто въ концѣ Катехизиса.

Живой интерезъ обнаружила Императрица и къ дѣлу составленія учебника русской исторіи. Внимательно разсмотрѣнъ былъ ею составленный Янковичемъ „Планъ къ сочиненію россійской исторіи“, въ которомъ она усмотрѣла „не порядочное“ раздѣленіе русской исторіи на періоды, а составленный Штриттеромъ по порученію Комиссіи учебникъ русской исторіи вызвалъ съ ея стороны рядъ критическихъ замѣчаній, сохранившихся въ собственноручныхъ черновыхъ запискахъ.

Какъ ни ясна и цѣлесообразна, по самой своей сути, была мысль мелькавшая еще со времени Петра Великаго, о необходимости имѣть въ составѣ центральнаго государственнаго управленія особый авторитетно поставленный органъ управленія учебнымъ дѣломъ, эта мысль въ исторіи многочисленныхъ проектовъ учебныхъ реформъ второй половины XVIII вѣка еще не находила себѣ общаго признанія и иногда прямо оспаривалась. И въ исторіи Комиссіи объ учрежденіи народныхъ училищъ шаткость этой мысли обнаружилась очень характерно. По прямому смыслу перваго указа 7-го сентября 1782 года Комиссія выступила, какъ временное учрежденіе, имѣвшее одну спеціальную задачу — подготовить заведеніе народныхъ училищъ по новой, нормальной методѣ. Выполненіе этой основной задачи завершилось составленіемъ Устава народныхъ училищъ 5-го августа 1786 года. Заключительная глава Устава говорила „о главномъ училищномъ правительствѣ“, состоящемъ непосредственно подъ вѣдѣніемъ верховной власти и докладывающемъ Ея Величеству объ училищныхъ дѣлахъ „прямо“. Слѣдовало ожидать, что Комиссія и превратится въ это постоянное „училищное правительство“. Сама Комиссія, однако, не рѣшилась на этотъ шагъ и лишь въ скобкахъ, въ § 108 Устава было отмѣчено, что „таковое главное управленіе ввѣрено отъ Ея Величества Комиссіи, въ государствѣ учрежденной“, при чемъ далѣе ничего не говорилось ни о составѣ Комиссіи, какъ постояннаго учрежденія, ни о положеніи ея въ ряду прочихъ государственныхъ учрежденій. Со стороны верховной власти, продолжавшей благосклонно относиться къ Комиссіи, также ничего не было сдѣлано, чтобы поставить ее на незыблемое основаніе постояннаго учрежденія, и съ 1786—1787 годовъ творчество Комиссіи быстро и рѣзко падаетъ. Засѣданія ея становятся все рѣже, прерываются на цѣлые годы, наконецъ, совсѣмъ прекращаются. Съ внѣшней стороны дѣятельность Комиссіи выражается теперь въ „опредѣленіяхъ“, составляемыхъ секретарями и подписываемыхъ членами Комиссіи безъ созыва засѣданій. Такая смѣна внѣшнихъ формъ работы Комиссіи была яснымъ показателемъ упадка творческаго значенія этой работы.

Если при составленіи Устава народныхъ училищъ 5-го августа 1786 года Комиссія, воспользовавшись общими началами и схемами австрійской системы, подвергла ихъ переработкѣ и создала въ результатѣ самостоятельный, въ отдѣльныхъ частяхъ и деталяхъ оригинальный законодательный актъ, то въ слѣдующей ея работѣ, долженствовавшей завершить цѣльную систему народнаго просвѣщенія, въ Планѣ университетовъ 1787 года, эта самостоятельность уже совершенно отсутствуетъ. Въ этомъ планѣ организація проектированныхъ по указу 29-го января 1786 года университетовъ представляла почти дословное воспроизведеніе записки австрійскаго государствовѣда Зонненфельса о системѣ народнаго просвѣщенія въ Австріи.

Планъ университетовъ 1787 года утвержденія не получилъ и былъ такъ же скоро забытъ, какъ и соотвѣтствующіе проекты предыдущаго времени. Исполненіе возложенной на Комиссію задачи созданія цѣльной системы просвѣщенія остановилось, такимъ образомъ, на полупути. Устранивъ изъ полной системы просвѣщенія центральное ея звено, гимназію, какъ традиціонный типъ средней школы, не приспособивъ главнаго народнаго училища къ новому, указанному Планомъ 1787 г., положенію приготовительной къ университету школы, Комиссія не успѣла сомкнуть Устава народныхъ училищъ и Плана университетовъ въ одно органически цѣльное законодательство, способное разрѣшить основную задачу нашей политики просвѣщенія XVIII вѣка. Вмѣстѣ съ тѣмъ Комиссія не успѣла упрочить и своего собственнаго положенія, какъ „главнаго

училищъ правительства", и творческая ея дѣятельность быстро послѣ этого замерла.

Въ февралѣ 1789 года, собравшись послѣ долгаго перерыва (съ ноября 1788 года), Комиссія разсуждала, что послѣднимъ выпускомъ учителей для главныхъ народныхъ училищъ она „всю учебную свою часть по училищамъ народнымъ совершила", что впредь ей остается одно главное наблюденіе за исполненіемъ Устава училищъ, а все остальное попеченіе о нихъ должно быть предоставлено приказамъ общественнаго призрѣнія и „господамъ, губерніями управляющимъ". Какъ бы ища, чѣмъ наполнить свой досугъ и къ чему приложить иниціативу, Комиссія, въ ожиданіи утвержденія плана университетовъ, положила сосредоточиться на переводѣ и изданіи „классическихъ книгъ, въ которыхъ у насъ недостатокъ, ибо оными токмо можетъ быть образованъ вкусъ къ наукамъ, толико необходимый къ распространенію и возведенію ихъ у насъ на тотъ же степень совершенства, на которомъ мы зримъ ихъ цвѣтущими въ иныхъ государствахъ".

Залогомъ успѣшной дѣятельности Комиссіи являлась, однако, не только твердость и опредѣленность ея внѣшняго положенія, какъ высшаго, центральнаго органа учебной администраціи. Главную силу всѣхъ новыхъ учебныхъ системъ педагогическое движеніе XVIII вѣка полагало всегда въ живыхъ административныхъ и педагогическихъ силахъ, въ личныхъ свойствахъ высшихъ руководителей и рядовыхъ исполнителей школьнаго дѣла. Еще въ Генеральномъ учрежденіи о воспитаніи обоего пола юношества 1764 года было обращено особое вниманіе на то, „какая потребна осторожность и благоразуміе въ выборѣ учителей и учительницъ, а особливо главныхъ надъ воспитательными училищами директоровъ и правителей. Въ послѣднихъ сихъ вся важность и затрудненіе состоитъ".

Одной изъ главныхъ причинъ неудачи, постигшей рядъ широкихъ проектовъ учебныхъ реформъ въ 1760—1770-хъ годахъ, была именно крайняя трудность найти соотвѣтствующихъ руководителей и исполнителей этихъ реформъ. Съ другой стороны, судьба австрійской школьной системы, пересадить которую въ Россію призвана была наша Комиссія, давала особенно наглядный примѣръ значенія живой педагогической силы. Самымъ важнымъ орудіемъ этой системы былъ не бумажный регламентъ, но непосредственная живая работа, живой примѣръ и традиція. Подобно тому, какъ наглядность и живое общеніе учителя съ каждымъ ученикомъ были основными пріемами новой школьной методы, такъ и управленіе основанною на этой методѣ системою народныхъ школъ требовало живого практическаго руководства со стороны спеціалистовъ. Система нормальныхъ школъ быстро и успѣшно привилась именно тамъ, гдѣ ею руководили такіе спеціалисты педагоги, какъ Мессмеръ и Фельбигеръ въ Вѣнѣ, Киндерманъ въ Богеміи, Янковичъ-де-Миріево въ сербскихъ провинціяхъ Австріи.

Приглашеніе Янковича-де-Миріево на русскую службу и привлеченіе его въ составъ Комиссіи объ учрежденіи народныхъ училищъ и сообщило всему предпріятію ту живую личную силу, какой такъ часто не доставало для осуществленія многихъ предшествующихъ проектовъ учебной реформы. Начавъ работу въ качествѣ только сотрудника Комиссіи и лишь съ 1797 года состоя ея полноправнымъ членомъ, Янковичъ приложилъ свой трудъ и починъ ко всѣмъ разнообразнымъ вопросамъ, встававшимъ передъ Комиссіей, и, безъ преувеличенія, былъ душой всей ея дѣятельности. Янковичемъ составлены были предварительный „Планъ по установленію народныхъ училищъ въ Россійской Имперіи", подробный уставъ перваго главнаго народнаго училища и на его основѣ общій уставъ народныхъ училищъ, утвержденный въ 1786 году. На Янковича же была возложена важнѣйшая забота по приготовленію учителей. Это дѣло было сосредоточено сначала въ первомъ главномъ училищѣ въ Петербургѣ и во главѣ его поставленъ Янковичъ. Въ этой должности директора Главнаго училища Янковичъ оставался до 1785 года, послѣ чего, въ слѣдующемъ году, приготовленіе учителей было передано особой Учительской семинаріи или гимназіи. Съ первыхъ же дней своей работы Янковичъ взялся за составленіе учебниковъ; имъ были составлены первые элементарные учебники, апробованные Императрицей, и отказъ свой отъ должности директора Главнаго училища онъ мотивировалъ именно желаніемъ посвятить время и трудъ составленію учебныхъ руководствъ и пособій. Въ 1800 году въ рукахъ Янковича сосредоточено было завѣдываніе всѣмъ личнымъ составомъ народныхъ училищъ и Учительской семинаріей, а также сложнымъ издательскимъ дѣломъ, приготовленіемъ оригинальныхъ и переводныхъ руководствъ и пособій, распредѣленіемъ ихъ по училищамъ. Изъ всѣхъ дѣятелей Комиссіи Янковичъ одинъ оставался въ ней въ теченіи всего ея существованія и съ прекращеніемъ этого существованія его дѣятельность не кончилась. Когда въ 1802 году, съ учрежденіемъ

Министерства народнаго просвѣщенія, образована была новая Комиссія объ училищахъ и на нее возложено было составленіе новаго общаго плана народнаго просвѣщенія, Янковичъ явился въ составѣ этой Комиссіи тѣмъ же энергичнымъ работникомъ, живымъ олицетвореніемъ прочной традиціи учебнаго дѣла, поставленнаго его трудами въ предшествующую эпоху.

Всѣ остальные дѣятели Комиссіи объ учрежденіи народныхъ училищъ не выдѣлялись ни дарованіемъ, ни какими либо особенными трудами. Самъ вельможный предсѣдатель Комиссіи — П. В. Завадовскій, стоявшій во главѣ ея до неожиданной опалы въ 1799 году, ни въ чемъ не проявилъ своей личной иниціативы. Академикъ Эпинусъ, бывшій преподаватель Цесаревича Павла Петровича, явился первымъ совѣтникомъ Императрицы, помогшимъ ей разобраться въ австрійской учебной системѣ и направить ея насажденіе въ Россіи на правильный путь. Высказавъ рядъ существенныхъ замѣчаній по этому вопросу въ особой запискѣ на имя Императрицы еще до образованія Комиссіи, Эпинусъ затѣмъ уже не принималъ дѣятельнаго участія въ ея работѣ, посѣщалъ засѣданія ея рѣдко и вовсе отказался отъ обсужденія Устава 1786 года подъ предлогомъ недостаточнаго знакомства съ государственными учрежденіями и гражданскимъ состояніемъ Россіи, съ которыми, по указанію Императрицы, надлежало согласовать новый уставъ. Наконецъ, прочіе члены Комиссіи — П. И. Пастуховъ, А. В. Храповицкій, Ф. И. Крейдеманъ, О. П. Козодавлевъ, П. С. Свистуновъ, Е. К. Кроминъ, А. М. Рыковъ, были людьми, случайно привлеченными къ дѣлу народнаго просвѣщенія, не подготовленными къ нему, и потому они не оставили въ дѣлахъ Комиссіи сколько нибудь замѣтныхъ слѣдовъ своей личной творческой работы.

Такъ далеко не благопріятно складывались для Комиссіи два главныхъ условія, на которыя должны были опираться производительность и успѣхъ ея трудовъ. Принципіальная неопредѣленность положенія Комиссіи, какъ высшаго „училищнаго правительства", мѣшала ровному и послѣдовательному развитію ея творческой энергіи. Комиссія жила работой надъ нѣкоторыми временными задачами и не могла увѣренно смотрѣть въ будущее, не зная, сохранитъ ли она самое свое существованіе послѣ того, какъ эти задачи будутъ ею выполнены. Счастливое стеченіе обстоятельствъ привело въ составъ Комиссіи, въ лицѣ Янковича-де-Миріево, авторитетнаго знатока той учебной системы, осуществленіе которой

было основной задачей Комиссіи. Но Янковичъ за все время существованія Комиссіи оставался почти единственнымъ спеціалистомъ учебнаго дѣла; вновь вступавшіе, съ теченіемъ времени, въ составъ Комиссіи лица были людьми случайными, не подготовленными, и, въ результатѣ, Комиссія не успѣла претвориться въ такой органъ высшей учебной власти, который былъ бы силенъ не только своимъ внѣшнимъ положеніемъ, но и надлежащимъ подборомъ авторитетныхъ личныхъ силъ. Недостатокъ такой личной среды, способной воспринять знанія, энергію и трудоспособность первыхъ дѣятелей, особенно Янковича, грозилъ прочности достигнутыхъ успѣховъ. Нѣкоторымъ современникамъ такъ и казалось, что „неимовѣрный успѣхъ" новыхъ народныхъ училищъ мимолетенъ. Какъ только тѣ, кто показалъ это „чудо", удовлетворили свое личное честолюбіе, оно исчезло: „награды розданы и чудеса прекратились". Это, конечно, слишкомъ несправедливая и невѣрная оцѣнка безспорнаго, однако, факта: необычайно быстраго расцвѣта творческой энергіи Комиссіи и скораго затѣмъ ея паденія.

Чѣмъ труднѣе были условія дѣятельности Комиссіи объ учрежденіи народныхъ училищъ, тѣмъ болѣе значительными и разносторонними представляются плоды этой дѣятельности, прямые и косвенные.

Первой задачей Комиссіи было созданіе „народныхъ училищъ", т. е. общеобразовательныхъ низшихъ и среднихъ школъ по образцу австрійской нормальной системы. Но заимствованіе этой системы не могло сводиться къ простому ея копированію: ее надлежало согласовать съ особенностями русскаго соціальнаго строя и быта. Въ собственноручномъ черновомъ наброскѣ плана учебной реформы, сдѣланномъ Императрицей, и въ первоначальномъ планѣ самой Комиссіи было предположено воспроизвести австрійскую систему школъ болѣе или менѣе полно, въ составѣ всѣхъ ея главныхъ ступеней, которымъ должны были соотвѣтствовать: 1) малыя двухклассныя училища (австрійскія тривіальныя) для сельскаго населенія, 2) среднія трехклассныя (австрійскія низшія городскія), 3) главныя четырехклассныя (австрійскія главныя). Уставъ 5-го августа 1786 года внесъ существенное измѣненіе въ эту схему: онъ исключилъ среднее училище, малое же и главное училище связалъ въ одно концентрическое цѣлое. Такое упрощеніе первоначальной схемы стояло въ связи съ болѣе узкимъ опредѣленіемъ соціальной сферы распространенія новой учебной системы. Тогда какъ австрійское законодательство опредѣленно распростра-

няло эту систему и на сельское и на городское населеніе, у насъ эта цѣль, также поставленная многими проектами учебныхъ реформъ въ 1760—1770-хъ годахъ, теперь сразу суживается, и Уставъ 1786 года непосредственно имѣлъ въ виду только училища для городского населенія и изъ полной австрійской системы взялъ только два типа школъ,—низшую, тривіальную, и главную. Практическій умъ составителей Устава 1786 года, прежде всего, конечно, Янковича-де-Миріево, вѣрно угадалъ, что правильная постановка образованія для сельскаго населенія въ условіяхъ крѣпостного режима XVIII вѣка была несбыточной утопіей.

Но, предназначая новыя училища для городского населенія, Уставъ 1786 года не сообщалъ имъ узко сословнаго характера, какъ и Жалованная грамота 1785 года не успѣла слить различные соціальные элементы городского общества въ единообразное сословное цѣлое. Въ газетномъ объявленіи объ открытіи первыхъ народныхъ училищъ, въ концѣ 1782 года, Комиссія опредѣленно указывала, что новое образованіе распространяется безъ изъятія „на всякое состояніе людей". Въ 1783 году, представляя докладъ объ учрежденіи перваго главнаго народнаго училища, Комиссія выражала увѣренность, что составленные ею учебники будутъ равно полезны „всякому роду гражданъ". И, дѣйствительно, составъ учащихся въ народныхъ училищахъ, какъ еще увидимъ, отличался чрезвычайной пестротой.

Эта пестрота соціальнаго состава народныхъ училищъ являлась однимъ изъ внѣшнихъ показателей того, что Комиссія сумѣла стать на болѣе или менѣе вѣрный путь и при опредѣленіи общеобразовательнаго содержанія новой учебной системы. То была одна изъ самыхъ трудныхъ задачъ педагогическихъ исканій средины XVIII столѣтія. Если школьная политика Петра Великаго слишкомъ давила и принижала самую идею общаго образованія, подчиняла ея задачи утилитарнымъ интересамъ профессіональнаго образованія, то теперь, во второй половинѣ столѣтія, наша педагогическая мысль, увлеченная потокомъ западнаго просвѣтительнаго движенія, парила черезчуръ высоко надъ дѣйствительною жизнью. Отвлеченный идеалъ совершеннаго человѣка и гражданина, такъ легко и свободно начертываемый проектами учебныхъ реформъ даннаго времени, съ трудомъ находилъ себѣ соотвѣтствующія конкретныя формы въ условіяхъ реальной жизни. Существенной задачей построенія системы общаго образованія и было такое опредѣленіе ея внутренняго содержанія и внѣшнихъ формъ, которое одинаково удалялось бы отъ обѣихъ крайностей: отъ грубаго утилитаризма петровскаго времени и утопическихъ стремленій 1760-хъ годовъ создать „новую породу" людей посредствомъ изысканныхъ пріемовъ воспитанія.

Можно признать, что Комиссія объ учрежденіи народныхъ училищъ сдѣлала крупный шагъ впередъ къ разрѣшенію этой задачи, отчетливо выяснившейся послѣ неудачъ и разочарованій, постигшихъ первые педагогическіе замыслы Императрицы Екатерины. Изъ круга руководящихъ идей предшествующаго времени Комиссія усвоила широкій взглядъ на задачу общаго образованія, понимая послѣднее, какъ воспитаніе, объемлющее и моральное воспитаніе въ тѣсномъ смыслѣ, и научное образованіе: „воспитаніе, просвѣщая разумъ человѣка различными познаніями, украшаетъ его душу; склоняя же волю къ дѣланію добра, руководствуетъ къ жизни добродѣтельной и напояетъ, наконецъ, человѣка такими понятіями, которыя ему въ общежитіи необходимо нужны".

Соотвѣтственно этой общей цѣли курсъ малаго, двухкласснаго народнаго училища по Уставу 1786 года содержалъ въ себѣ чтеніе, письмо, ариѳметику, катехизисъ и, какъ центръ всего курса, толкованіе правилъ для учащихся и книги о должностяхъ человѣка и гражданина. Здѣсь сосредоточивалась полная энциклопедія того гражданскаго воспитанія народной массы, въ которомъ вѣкъ просвѣщеннаго абсолютизма полагалъ одно изъ важнѣйшихъ основаній и государственнаго благополучія. Представляя самостоятельный кругъ элементарнаго образованія и гражданскаго воспитанія, курсъ малаго училища составлялъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, младшій концентръ главнаго училища въ объемѣ двухъ первыхъ классовъ послѣдняго. На этомъ основаніи воздвигался курсъ двухъ старшихъ классовъ главнаго училища; въ составъ его входили: Законъ Божій, русскій языкъ, ариѳметика, языки латинскій и „сосѣдственный", географія общая и русская, исторія общая и русская, естественная исторія, геометрія, архитектура, механика и физика. Это былъ, въ общемъ, тотъ кругъ *реальнаго* образованія, которое представлялось однимъ изъ первыхъ условій созданія „средняго чина гражданъ". Для него именно требовалось образованіе не „ученое", но и не узко профессіональное. Мѣщанское образованіе должно быть широкимъ, можно сказать, общимъ, но съ особенными оттѣнками, отвѣчающими культурно-психическимъ особенностямъ этого класса. Какъ сказано было въ Уставѣ главнаго училища 1783 года, въ немъ „всѣ науки столь-

ко преподавать должно, сколько для каждаго состоянія въ домостроительствѣ и въ общежитіи нужно, въ которой соразмѣрности и книги учебныя сочинены".

Насколько твердо и опредѣленно сумѣла Комиссія разработать двѣ послѣдовательныхъ ступени общаго образованія—начальнаго и средняго, реальнаго, для городского населенія, настолько же безсильной оказалась она передъ слѣдующей ступенью, передъ созданіемъ средней школы, переходной къ университету. Ставшая передъ Комиссіей, вслѣдъ за изданіемъ Устава 1786 года, задача начертать планъ университетовъ и гимназій была разрѣшена ею очень просто и очень неудовлетворительно. Было выше упомянуто, что Планъ 1787 года въ значительной и наиболѣе существенной своей части являлся точнымъ воспроизведеніемъ записки Іосифа Зонненфельса, добытой изъ Вѣны по личной иниціативѣ Императрицы Екатерины въ 1785 году и дававшей обозрѣніе австрійской системы средняго и высшаго образованія. Изъ этой австрійской системы наша Комиссія исключила гимназію, какъ центральное ея звено, но не приспособила главнаго народнаго училища къ новой роли, совсѣмъ забытой Уставомъ 1786 года, къ роли школы, непосредственно готовящей къ университету. Что же касается вопроса объ университетахъ, то все изложеніе ихъ учебной и административной организаціи оказывается въ Планѣ 1787 года дословнымъ переводомъ, съ нѣкоторыми измѣненіями, соотвѣтствующей части записки Зонненфельса. Полученный путемъ такой, почему то скрытой, операціи Планъ Комиссія сочла возможнымъ объявить „непремѣннымъ указаніемъ для заводимыхъ въ Россіи университетовъ", хотя и вносила оговорку, что за этимъ Планомъ долженъ послѣдовать „полный уставъ"; онъ будетъ изданъ тогда, когда „Комиссія черезъ опыты уже узнаетъ, чего, къ пользѣ университетовъ служащаго, въ семъ планѣ недостаетъ и что прибавить, распространить или отмѣнить будетъ надобно",

Рѣшительную неудачу потерпѣла попытка Комиссіи найти средства къ практическому осуществленію Плана 1787 года. Обращеніе къ куратору Московскаго Университета И. И. Шувалову и къ президенту Академіи Наукъ княгинѣ Дашковой выяснило, что ни университетъ, ни академія не въ состояніи снабдить новыхъ университетовъ достаточнымъ преподавательскимъ составомъ. Поэтому Комиссія выразила пожеланіе, чтобы на первыхъ порахъ былъ открытъ только одинъ университетъ и чтобы профессора для него

были выписаны изъ-за границы. Въ числѣ ихъ, по мысли Комиссіи, слѣдовало пригласить непремѣнно нѣсколько знаменитостей: „иногда и одинъ, знаніями своими и сочиненіями знаменитый, профессоръ можетъ присутствіемъ своимъ вознести устрояющійся университетъ на весьма высокую степень славы".

Остался, наконецъ, не рѣшеннымъ и вопросъ о денежныхъ средствахъ, потребныхъ для осуществленія Плана 1787 года. Исчисливъ содержаніе каждаго университета приблизительно въ сумму около 40.000 руб., Комиссія не рѣшилась представить подробнаго штата университетовъ до основанія хотя бы одного университета. Свой докладъ о Планѣ 1787 года Комиссія и заключала испрошеніемъ Высочайшаго указанія, какой городъ будетъ избранъ для учрежденія перваго университета, а также повелѣнія мѣстному генералъ-губернатору озаботиться пріисканіемъ необходимаго помѣщенія. Но Планъ университетовъ утвержденія не получилъ и никакихъ подготовительныхъ мѣръ къ учрежденію хотя бы одного университета принято не было.

Такъ творчество Комиссіи не справилось со всею сложностью основной задачи — построить цѣльную систему общаго образованія отъ элементарной народной школы до университета включительно. Недостатокъ внутренней компетентности самой Комиссіи по вопросамъ высшаго и подготовительнаго къ нему средняго образованія, отсутствіе должной внѣшней поддержки парализовали выполненіе второй половины всей грандіозной задачи. Неудачнымъ Планомъ 1787 года закончилась собственно творческая дѣятельность Комиссіи и все ея вниманіе сосредоточилось на организаціонной работѣ по осуществленію Устава народныхъ училищъ 1786 года.

Три главныхъ вопроса занимали Комиссію въ этой организаціонной работѣ: 1) созданіе учебной литературы, 2) подготовленіе учителей, 3) изысканіе денежныхъ средствъ на устройство и содержаніе училищъ.

„Нормальное" учебное руководство являлось первымъ краеугольнымъ камнемъ всей новой системы народнаго образованія, заводимой трудами Комиссіи. Строго проводимый въ австрійской школьной реформѣ принципъ „единообразія въ книгахъ и учебномъ способѣ, чтобы ни воспослѣдовало ни въ учителяхъ ни въ книгахъ какого разврата ко вреду общей пользы", былъ хорошо усвоенъ нашей Комиссіей. Внѣшнимъ показателемъ того значенія, какое

придавалось новой учебной литературѣ, какъ основѣ всего предпринимаемаго дѣла, служитъ уже тотъ извѣстный фактъ, что первыя новыя руководства представлялись на Высочайшее утвержденіе, подобно законодательнымъ актамъ. Постепенно расширяя кругъ учебной литературы, переводной и оригинальной, Комиссія проявила энергичную издательскую дѣятельность: образовала особый Комитетъ подъ предсѣдательствомъ Пастухова для разсмотрѣнія переводовъ книгъ, заключала договоры съ содержателями частныхъ типографій, поощряла авторство частныхъ лицъ, въ томъ числѣ учителей народныхъ училищъ, завела собственную книжную лавку для распространенія своихъ изданій въ публикѣ. Въ результатѣ создалась довольно обширная, планомѣрно подобранная учебная литература не только для низшихъ и среднихъ школъ, дѣйствительно учрежденныхъ, но и для проектированныхъ только что университетовъ. Дѣло будущаго спеціальнаго изслѣдованія—выяснить значеніе этой учебной литературы со стороны ея фактическаго содержанія и методовъ въ исторіи нашей школьной жизни съ конца XVIII вѣка.

Вторымъ кореннымъ условіемъ успѣха новой учебной реформы была подготовка учителей, воплощеніе идеаловъ реформы въ живой личности педагога. Это была особенно трудная задача въ условіяхъ данной эпохи. Никогда въ исторіи педагогіи не вырисовывался съ такимъ тщаніемъ идеальный образъ педагога, какъ въ вѣкъ просвѣщенія. Въ Уставѣ 1786 года и въ сопровождавшемъ его „Руководствѣ учителямъ младшихъ классовъ народныхъ училищъ“ этотъ образъ пріобрѣлъ вполнѣ законченныя черты. Подобно каждому особому „роду людей“, педагогическое сословіе характеризуется опредѣленнымъ сочетаніемъ свойственныхъ ему профессіональныхъ добродѣтелей: христіанскаго благочестія, любви („не робяческой, но соединенной всегда съ постояннымъ и важнымъ видомъ“), бодрости, терпѣнія, довольствія, прилежанія, безпристрастія и снисходительности. Со стороны учащихся авторитетъ учителя опирается на „то доброе мнѣніе, которое ученики объ искусствѣ и исправности учителя своего имѣютъ“, на почтеніе или наружное почтительное учениковъ съ учителемъ обхожденіе, на любовь и „подобострастіе“, которое „есть то, когда ученики учителя и любятъ и боятся“. Учитель есть не только преподаватель, но, прежде всего, воспитатель. Каждый шагъ его поведенія, каждая мелочь въ обиходѣ его общенія съ учениками должны быть

расчитаны на то, чтобы „поощрять чаще юношество къ наблюденію должностей общественныхъ, просвѣщать разумъ учениковъ и научать ихъ, какъ думать, такъ и поступать разумно, честно и благопристойно“.

Чтобы перевести этотъ выспренній идеалъ на почву практическаго его достиженія, надобно было найти подходящіе соціальные элементы для созданія педагогической профессіи. Вся исторія предшествующихъ попытокъ заведенія общеобразовательныхъ школъ, низшихъ и среднихъ, свидѣтельствовала, что только одно сословіе, именно духовное, способно дать подходящій соціальный матеріалъ для созданія педагогической профессіи. Поэтому наша Комиссія и вступила на путь ясной и прочной традиціи, вербуя первые кадры учителей для народныхъ училищъ изъ воспитанниковъ духовныхъ семинарій. Мѣстомъ же спеціальной подготовки этой духовной молодежи къ учительской должности сдѣлано было сначала Главное народное училище въ С.-Петербургѣ, отъ котораго въ 1786 году отдѣлилась уже спеціальная школа—Учительская семинарія или гимназія, съ курсомъ, нѣсколько превышавшимъ уровень Главнаго училища, и съ болѣе высокимъ по научному цензу преподавательскимъ составомъ.

Быстрота, съ какой Комиссія успѣла подготовить учителей для повсемѣстнаго открытія народныхъ училищъ, не могла, однако, быть показателемъ того, чтобы снабженіе разраставшейся сѣти училищъ подготовленными учителями было дѣломъ легкимъ, не встрѣчавшимъ весьма серьезныхъ препятствій. Уже въ самой Учительской семинаріи суровые и непокорные нравы собранной изъ духовныхъ училищъ молодежи требовали отъ начальства большой твердости и такта, чтобы обработать и отшлифовать эту молодежь въ изысканныхъ правилахъ, предписанныхъ для „нормальнаго“ учителя. Въ борьбѣ съ „невоздержнымъ житіемъ“, непокорствомъ и буйствомъ будущихъ педагоговъ начальству приходилось иногда пускать въ ходъ средства весьма далекія отъ педагогическаго идеала: сажать провинившихся подъ арестъ на хлѣбъ и на воду, переодѣвать „ради большія остуды“ въ худые мужичьи кафтаны, а вовсе неисправимыхъ отсылать въ Военную Коллегію для опредѣленія въ солдаты. Много хлопотъ было у Комиссіи и съ учителями, уже опредѣленными на службу. Новизна положенія этихъ первыхъ народныхъ учителей въ мѣстныхъ чиновныхъ и интеллигентныхъ кругахъ, незначительность ихъ служебнаго ранга (12 классъ для

учителей старшихъ классовъ и 14 классъ для младшихъ), мизерность получаемаго ими содержанія дѣлали учительскую службу очень тяжелой и Комиссіи приходилось тратить много хлопотъ и заботы, чтобы поставить своихъ питомцевъ въ нормальныя и достойныя условія быта и службы. Въ документахъ Комиссіи разсыпано много интересныхъ для историка нашего просвѣщенія фактовъ, показывающихъ, въ какой трудной обстановкѣ вырабатывался новый соціальный типъ культурнаго дѣятеля—педагога.

Отмѣченная выше общая черта дѣятельности Комиссіи—быстрый расцвѣтъ энергіи по началу и скорый затѣмъ ея упадокъ, отразилась и въ вопросѣ о приготовленіи учителей. Первоначальная постановка этого вопроса, организація Учительской семинаріи, утверждалась на правильномъ взглядѣ, что учитель по своему образованію и познаніямъ долженъ стоять выше той школы, въ которой онъ дѣйствуетъ, что учителя для низшей школы должна готовить средняя, для средней высшая. Вскорѣ, однако, этотъ взглядъ сталъ колебаться. Прежде всего понизился уровень преподаванія въ Петербургской семинаріи въ томъ отношеніи, что въ 1788 г. преподававшіе въ ней профессора и адъюнкты замѣнены были только что выпущенными изъ семинаріи воспитанниками. Затѣмъ въ слѣдующемъ году Комиссія усомнилась уже въ необходимости постояннаго существованія Учительской семинаріи по тому соображенію, что „со временемъ не токмо возмогутъ приказы общественнаго призрѣнія пріуготовлять въ главныхъ своихъ училищахъ учителей и для высшихъ классовъ; но когда ученія съ просвѣщеніемъ распространятся, тогда, конечно, являться будутъ въ должности сіи способные люди со стороны, обучавшіеся на своемъ иждивеніи“. Идя далѣе, слѣдовало признать, что учителей для малыхъ училищъ могутъ готовить сами же эти училища. До этого Комиссія, правда, не дошла, но слѣдуетъ отмѣтить характерный фактъ, что въ Учительской семинаріи устроено было особое отдѣленіе въ объемѣ двухъ младшихъ ея классовъ для подготовки учителей въ малыя училища, и въ это отдѣленіе поступали самые слабые воспитанники. Наконецъ, если двухлѣтнее бездѣйствіе Учительской семинаріи не привело къ полному ея упраздненію, то причиною тому было не принципіальное убѣжденіе въ необходимости постоянной спеціальной педагогической школы, а постороннее обстоятельство. Распространеніе на присоединенныя отъ Польши западно-русскія области системы народныхъ училищъ потребовало новаго

кадра учителей, вслѣдствіе чего въ семинарію былъ набранъ въ 1794 году новый комплектъ воспитанниковъ, и возобновленная семинарія просуществовала до 1803 года, когда она, въ силу новой общей учебной реформы, была преобразована въ Учительскую гимназію, а послѣдняя въ Педагогическій институтъ. Но послѣдніе годы старой семинаріи были печальны: занятій въ ней уже не происходило и въ началѣ 1803 года въ ней продолжало жить всего три студента.

Наконецъ, крайне шатко поставленнымъ оказалось послѣднее условіе прочности новой системы образованія—обезпеченіе ея матеріальными средствами. Проекты учебныхъ реформъ 1760—1770-хъ годовъ довольно единодушно проводили коренное различіе въ порядкѣ содержанія высшихъ и среднихъ школъ, съ одной стороны, и низшихъ — съ другой; содержаніе первыхъ относилось на государственный счетъ, а второй—на средства самого мѣстнаго населенія. Въ подготовкѣ австрійской реформы финансовый вопросъ занималъ также весьма видное мѣсто. Признавая необходимость спеціальнаго фонда для содержанія школъ, въ видѣ особаго школьнаго капитала, дѣятели этой реформы предлагали самыя разнообразныя мѣры для его образованія; но въ концѣ концовъ австрійскій законъ не установилъ какого либо единообразнаго источника содержанія народныхъ школъ и возложилъ на провинціальныя комиссіи обязанность изыскивать всевозможные мѣстные рессурсы.

Для нашей Комиссіи финансовый вопросъ былъ отчасти предрѣшенъ Учрежденіемъ о губерніяхъ 1775 года, возлагавшимъ обязанности содержанія народныхъ училищъ на приказы общественнаго призрѣнія, причемъ постановлялось, что неимущіе могутъ учиться безплатно, а имущіе за умѣренную плату. Уставъ 1786 года не коснулся вопроса о средствахъ на содержаніе училищъ, отмѣтивъ только, что приказы общественнаго призрѣнія, на которые возлагалась забота объ училищахъ, обязаны „сами пещися о содержаніи оныхъ, изобрѣтая къ тому всѣ потребные способы“. При этомъ Уставъ добавлялъ, что учителя не должны требовать отъ учениковъ никакой платы за ученіе. Штатная сумма на содержаніе главнаго народнаго училища опредѣлена Уставомъ въ 2500 р., малаго двухкласснаго въ 500 р. и однокласснаго въ 210 р.

Уставъ не указалъ общаго опредѣленнаго и твердаго источника содержанія училищъ. Какъ въ дѣйствительности строилось обезпеченіе народныхъ училищъ денежными средствами, будетъ

раскрыто и показано послѣ детальнаго изученія обширнаго матеріала по этому вопросу, хранящагося въ дѣлахъ Комиссіи. Одну общую и особенно характерную черту, впрочемъ, можно указать уже теперь. Не установивъ въ законѣ точно опредѣленныхъ источниковъ содержанія народныхъ училищъ, Комиссія обратилась, между прочимъ, къ частному благотворенію и въ 1786 году П. В. Завадовскій обращался къ намѣстникамъ губерній съ просьбой содѣйствовать привлеченію частныхъ пожертвованій со стороны „ревнительныхъ о благѣ общемъ гражданъ". Такія пожертвованія, дѣйствительно, притекали съ разныхъ сторонъ: отъ членовъ Императорской семьи, отъ мѣстныхъ обществъ и учрежденій, дворянства, купечества, мѣщанъ, вообще „гражданства" того или другого города, отъ городовыхъ магистратовъ, думъ, наконецъ, отъ отдѣльныхъ лицъ. Сейчасъ нельзя учесть, какую долю эта общественная благотворительность составила въ общей суммѣ рессурсовъ народныхъ училищъ. Но важна принципіальная сторона дѣла: русское общество, въ его разнообразныхъ слояхъ, втягивалось въ участіе въ новомъ культурномъ дѣлѣ, выходившемъ за предѣлы узко сословныхъ и профессіональныхъ интересовъ.

Отношеніе общества къ новымъ школамъ должно было выразиться также въ томъ довѣріи и интересѣ, съ какимъ посылалась молодежь въ эти школы. Уже весной 1784 года Императрица Екатерина, по собственному признанію, имѣла большое желаніе похвастаться успѣхомъ новозаводимыхъ нормальныхъ училищъ. Позднѣйшіе наблюдатели, свидѣтели угасанія Комиссіи, признавали первые успѣхи новой учебной системы „чудомъ". Дѣйствительный же ея успѣхъ можетъ быть возстановленъ послѣ детальнаго изученія обширнаго матеріала, представляемаго отчетами о состояніи народныхъ училищъ по отдѣльнымъ губерніямъ. Въ этихъ подробныхъ отчетахъ о порядкѣ открытія училищъ, о составѣ учащихъ и учащихся, о ходѣ учебной жизни, матеріальныхъ средствахъ училищъ историкъ найдетъ много цѣнныхъ фактовъ для характеристики культурнаго воздѣйствія новыхъ училищъ на разные общественные слои. Одинъ крупный и цѣнный фактъ прежде всего бросается въ глаза въ этихъ отчетахъ—пестрота сословнаго состава учащихся въ народныхъ училищахъ: дворяне, штабъ- и оберъ-офицерскія, чиновничьи, священно- и церковно-служительскія дѣти, приказные, разночинцы, купцы, мѣщане, крестьяне, однодворцы, крѣпостные и господскіе слуги, дѣти придворной прислуги (въ одномъ Петербургѣ) сержантскіе, солдатскіе, мастеровые, ямщичьи, „воспитанники", вольно-отпущенные, казаки, татары, иностранцы и другіе. Можно сказать, что составъ учащихся въ народныхъ училищахъ каждой губерніи довольно точно отражалъ всю сложность сословнаго состава населенія послѣдней.

Этотъ же фактъ пестроты соціальнаго состава учащихся въ народныхъ училищахъ можетъ служить, до извѣстной степени, показателемъ успѣха народныхъ училищъ, довѣрія къ нимъ со стороны самыхъ различныхъ по своимъ культурнымъ интересамъ слоевъ русскаго общества. Но тѣ же отчеты объ училищахъ и сопровождающія ихъ „историческія записки" свидѣтельствуютъ, что успѣхъ новой системы просвѣщенія развивался очень туго и былъ зачастую очень поверхностенъ и непроченъ. Въ 1788 году Комиссія поручила состоявшему въ ея распоряженіи О. П. Козодавлеву произвести ревизію народныхъ училищъ въ 10 намѣстничествахъ: новгородскомъ, тверскомъ, московскомъ, калужскомъ, тульскомъ, рязанскомъ, тамбовскомъ, владимірскомъ, ярославскомъ и вологодскомъ. Въ данной Козодавлеву инструкціи обращено было, между прочимъ, вниманіе и на вопросъ объ отношеніи населенія къ народнымъ училищамъ: „каково гдѣ народъ и люди къ училищамъ расположены; посылаютъ ли своихъ дѣтей въ оныя охотно; если нѣтъ, что тому за причина". Въ своемъ общемъ отчетѣ о произведенной ревизіи Козодавлевъ констатировалъ, что во всѣхъ главныхъ народныхъ училищахъ число учащихся въ третьихъ и четвертыхъ классахъ весьма мало и что учащіеся во вторыхъ классахъ обыкновенно не желаютъ продолжать ученіе въ третьемъ разрядѣ. „Сіе происходитъ, объясняетъ Козодавлевъ, оттого, что родители и свойственники учащихся не видятъ цѣли ученія, въ высшихъ классахъ преподаваемаго. Они почитаютъ, что дѣтямъ ихъ нужны токмо предметы двухъ нижнихъ классовъ, да и то по причинѣ чтенія и чистописанія, а прочія науки почитаютъ они безполезными или, по крайней мѣрѣ, не нужными, ибо хотя науки и каждому полезны, однако жъ, сію истину, кромѣ людей просвѣщенныхъ, не многіе чувствуютъ. Всякій знаетъ, что для снисканія мѣста въ гражданской службѣ нужно одно токмо чистописаніе, почему и невозможно ожидать, чтобъ многіе дѣтей своихъ посылали въ высшіе классы; слѣдовательно, главныя народныя училища и не могутъ приносить государству ожидаемыя пользы".

Козодавлевъ совѣтовалъ поспѣшить обнародованіемъ составленнаго въ 1787 году Плана университетовъ, чтобы „показать народу выгоду, отъ просвѣщенія происходящую, или, такъ сказать, сблизить каждаго собственною его корыстію съ науками. Когда всѣ узнаютъ, что для пріобрѣтенія права на службу нужны науки, преподаваемыя въ университетѣ, а для поступленія въ университетъ нужно пройти главное училище, тогда всякій будетъ учиться для собственной корысти, и главныя училища учениками наполнятся и принесутъ государству ожидаемую пользу“.

Когда въ концѣ 1780-хъ и 1790-хъ годовъ отъ повсемѣстно учрежденныхъ главныхъ училищъ стали „разводиться“ по уѣзднымъ городамъ малыя училища, то и послѣднія встрѣчали по мѣстамъ отрицательное къ себѣ отношеніе. Мѣстное населеніе, преимущественно купечество и мѣщанство, иногда съ крайней неохотой отдавало въ эти училища дѣтей, не платило опредѣленныхъ суммъ, а иногда и прямо домогалось закрытія училищъ. Новыя школы не удовлетворяли малокультурнаго провинціальнаго общества, прежде всего, своимъ общеобразовательнымъ характеромъ. Провинціальное купечество и мѣщанство желало дѣтей „заблаговременно пріучать къ познаніямъ въ домашнихъ дѣлахъ и для купечества и для мѣщанства нужностяхъ, въ которыхъ они сами обращаются“. Непонятными казались и изысканные педагогическіе и дидактическіе пріемы и методы новой школы, которымъ „нетерпѣливые“ родители предпочитали старинныя и частныя церковныя школы съ ихъ часословами и псалтырями. Въ тѣхъ случаяхъ, когда представленіе о закрытіи училищъ, по несочувствію къ нимъ мѣстныхъ обществъ, доходило до центральнаго правительства, до Комиссіи, послѣдняя всегда отвѣчала отказомъ и указывала мѣстнымъ властямъ на ихъ формальную обязанность содѣйствовать распространенію училищъ. Такъ, въ 1798 году на представленіе о закрытіи высшихъ классовъ Витебскаго главнаго училища, по причинѣ пустоты ихъ, Комиссія сдѣлала губернатору такое характерное внушеніе: „извѣстно изъ опытовъ, что вкусъ къ наукамъ не вдругъ, но временемъ пріобрѣтается; безъ поддержанія-жъ онаго со стороны начальства не уповательно, чтобъ приращеніе въ наукахъ могло само по себѣ возникнуть, а тѣмъ менѣе (sic!) распространиться“.

Борясь со многими внѣшними препятствіями, преодолѣвая съ трудомъ косность общества, новая учебная система, тѣмъ не менѣе, сразу обнаружила претензію на исключительное господство

надъ русской общеобразовательной школой, низшей и средней. Принципъ единообразія „методовъ, учебной литературы и внѣшняго строя школы являлся однимъ изъ наиболѣе характерныхъ лозунговъ школьныхъ реформъ второй половины XIX вѣка, и въ 1801 году, въ одномъ изъ своихъ общихъ отчетовъ, Комиссія похвалялась, „что науки въ школахъ, ею созданныхъ, преподаются въ самомъ отдаленномъ краю Россіи въ одно и тоже время и на томъ единообразномъ основаніи, на какомъ преподаются и въ самой столицѣ“.

Признаніе новой учебной системы „нормальною“, т. е. единственно правильною, выдвигало три принципіальныхъ вопроса: 1) о конкурренціи между государственными и частными школами, 2) о соотношеніи общаго и профессіональнаго образованія, 3) о распространеніи общегосударственной системы на окраины съ иноплеменнымъ населеніемъ и своеобразной культурой.

Исконной формой проявленія частной иниціативы въ школьномъ дѣлѣ были элементарныя вольныя школы, заводимыя разнаго рода мастерами, особенно духовенствомъ. Эти-то вольныя школы, удовлетворявшія несложнымъ образовательнымъ потребностямъ низшихъ классовъ населенія, представлялись нашей Комиссіи гнѣздами „закоснѣлаго суевѣрія“ и педагогической рутины, на борьбу съ которыми должна была, прежде всего, ополчиться новая система народнаго образованія. Даже распространенный обычай обучать дѣтей въ домахъ духовенства разсматривался теперь, какъ „злоупотребленіе“, противное Высочайшей волѣ. Тѣмъ отрицательнѣе было отношеніе къ этимъ вольнымъ русскимъ школамъ, что въ глухой провинціи онѣ успѣшно соперничали съ низшими училищами, устроенными по нормальной методѣ. Поэтому вездѣ, гдѣ вольныя школы обнаруживались и подвергались ревизіи, онѣ закрывались, а родителямъ и родственникамъ внушалось мѣстными властями посылать дѣтей непремѣнно въ новыя народныя училища.

Счастливѣе оказались частные иностранные пансіоны, подчиненные Комиссіи указомъ 6 сентября 1784 года. Ставя на первый планъ обученіе иностраннымъ языкамъ, они были существенно необходимы для дворянства, не находившаго въ новыхъ народныхъ училищахъ этого столь необходимаго для нихъ элемента общаго образованія. Поэтому иностранные пансіоны сохранили свое существованіе, но были подчинены особому „Плану къ расположенію пансіоновъ по образцу училищъ народныхъ“. Всѣ пансіоны обязаны были слѣдо-

вать единообразному учебному плану, отъ котораго допускались лишь частичныя отступленія.

Другой вопросъ большой принципіальной важности возникъ вслѣдствіе полученнаго Комиссіей порученія пересмотрѣть учебный строй кадетскихъ корпусовъ, Сухопутнаго и Артиллерійскаго съ Инженернымъ. Изъ представленныхъ Комиссіей по этому вопросу проектовъ видно, что въ развитіи военнаго образованія и въ отношеніяхъ его къ образованію общему обозначился новый поворотъ. Пора увлеченія воспитательными утопіями и смѣшенія задачъ образованія общаго и профессіональнаго теперь прошла и требовалось болѣе точное разграниченіе того и другого. Проекты Комиссіи исходили изъ мысли, что кадетскимъ корпусамъ должно быть возвращено полностью ихъ спеціальное военное назначеніе, основаніемъ же его должно служить общее образованіе въ строгихъ рамкахъ новой нормальной системы. Не укрылась отъ воздѣйствія со стороны послѣдней и духовная школа, крѣпко скованная, казалось-бы, своими вѣковыми традиціями. Сами епархіальныя власти, посылая воспитанниковъ духовныхъ семинарій въ Учительскую гимназію, просили затѣмъ у Комиссіи учителей, обученныхъ нормальной методѣ.

Въ связи съ повсемѣстнымъ распространеніемъ новыхъ народныхъ училищъ намѣчался постепенно и еще одинъ вопросъ первостепенной государственной важности — о роли господствующей государственной школы на окраинахъ. Законъ не ставилъ прямо вопроса, должна ли новая система образованія распространяться на окраины съ иноплеменнымъ населеніемъ или съ преобладаніемъ иноплеменной культуры, и, если да, то какія видоизмѣненія должны быть вносимы въ эту систему по мѣстнымъ условіямъ. Уставъ 1786 года говорилъ только объ изученіи въ главныхъ училищахъ „сосѣдственнаго“ иностраннаго языка, полезнаго по употребленію его въ общежитіи. Помянутый общій вопросъ возникалъ постепенно, по мѣрѣ распространенія сѣти народныхъ училищъ на Прибалтійскій край и Финляндію, на присоединенныя отъ Польши области, на нѣкоторыя восточныя губерніи. Въ сознательно поставленныхъ при этомъ цѣляхъ и пріемахъ можно наблюдать первый опытъ широкой постановки столь сложнаго и труднаго впослѣдствіи вопроса. Такъ какъ основнымъ побужденіемъ правительственной политики въ данномъ случаѣ являлось убѣжденіе въ абсолютной педагогической цѣнности новой учебной системы, то при распространеніи ея на иноплеменныя окраины на первый планъ выдвигались интересы

чисто педагогическіе. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ мѣропріятіяхъ, направленныхъ къ этой цѣли, мы замѣчаемъ уже и мотивъ національно-политическій: „нормальная“ школа съ ея главнымъ предметомъ преподаванія, русскимъ языкомъ, призывается стать орудіемъ сплоченія окраинъ съ коренной Россіей.

Такъ не успѣла еще окончательно развиться и окрѣпнуть сама нормальная система народныхъ училищъ, какъ она уже стала проводникомъ широкихъ государственныхъ интересовъ и связующимъ звеномъ самыхъ разнообразныхъ видовъ образованія и типовъ школъ. Прерванная неудачей университетскаго проекта 1787 года нить учебныхъ реформъ была возстановлена въ началѣ слѣдующаго столѣтія. Учрежденная указомъ 8 сентября 1802 года новая „Комиссія объ училищахъ“, переименованная вскорѣ въ „Главное правленіе училищъ“, связала старую „Комиссію объ учрежденіи народныхъ училищъ“ съ Министерствомъ народнаго просвѣщенія. Утвержденныя же 24 января 1803 года „Предварительныя правила народнаго просвѣщенія“ дали программу новой обширной реформы, начатой съ того пункта, на которомъ остановились реформы Екатерининской Комиссіи, именно съ учрежденія университетовъ. Ея трудами заложено было прочное основаніе для новой системы просвѣщенія, получившей свое выраженіе въ уставахъ 1804 года.

С. В. Рождественскій.